

АЛЕКСАНДРА ВЯЧЕСЛАВОВНА ЧЕБАКОВСКАЯ
младший научный сотрудник сектора истории Института
языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение на-
уки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
chebakovskaja@yandex.ru

РАБОТА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМИ В КАРЕЛИИ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД*

Впервые на основе разнообразных источников раскрывается проблема преступности несовершеннолетних в Карелии в 1918–1935 годах и анализируются меры противодействия этому явлению со стороны государства. Актуальность темы заключается в изучении и критическом осмыслении опыта, накопленного в предыдущие периоды, что представляет интерес в вопросах усовершенствования современных методов работы с детьми-правонарушителями при сохранении высокого уровня преступности несовершеннолетних на данном этапе. Центральное место в статье отведено изучению деятельности комиссий по делам несовершеннолетних. Показаны изменения возрастного порога привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности, виды совершаемых ими правонарушений, охарактеризована сеть учреждений в Карелии для данной категории детей. Выявлены меры по отношению к малолетним правонарушителям со стороны комиссий по делам несовершеннолетних. Успешность ее деятельности могла быть осуществима только при правильной постановке работы с малолетними правонарушителями и при наличии достаточного количества учреждений в ее распоряжении. Установлено, что в Карелии по отношению к несовершеннолетним правонарушителям применялись практически все законодательно разрешенные действия, кроме мер медицинского характера, что связано с отсутствием специализированных учреждений для этих целей. Показано нарастание репрессивной составляющей в практике работы с несовершеннолетними правонарушителями, что не соответствовало декларируемой государством заботе о создании благоприятных условий для воспитания и социализации советских детей.

Ключевые слова: охрана детства, правонарушения несовершеннолетних, комиссия по делам несовершеннолетних, меры «медико-педагогического» характера, Карелия

Для цитирования: Чебаковская А. В. Работа с несовершеннолетними правонарушителями в Карелии в после-революционный период // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 93–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.418

ВВЕДЕНИЕ

Изучение преступности несовершеннолетних в историческом развитии России вызывает интерес многих представителей науки, что объясняется актуальностью этой социальной проблемы в современном мире. Изучение и критическое осмысление опыта, накопленного в предыдущие периоды, может быть полезно для усовершенствования современных методов работы с несовершеннолетними правонарушителями. Именно 1918–1935 годы в истории страны являются временем, когда преступность несовершеннолетних была распространена в каждом регионе, и государство пыталось выработать и применять новые меры борьбы с ней.

Первые исследования детской преступности в советский период появились в трудах правоведов, педагогов и специалистов по социальной работе, обратившихся к данной теме уже в 1920-е годы. В. И. Куфаев¹ отмечал необходимость социальной помощи несовершеннолетним преступникам в виде материальной и моральной

поддержки, путем поиска полезной деятельности и обеспечения работой. Л. М. Василевский², Е. С. Лившиц³, П. И. Люблинский⁴, М. И. Маро⁵ показали связь детской безнадзорности с ростом преступности. Педагоги-новаторы А. С. Макаренко, Л. С. Выготский, В. Н. Сорока-Росинский и С. Т. Шацкий обобщили опыт воспитательной работы с детьми-правонарушителями.

Вопросы преступности несовершеннолетних и меры борьбы с ней рассматривались в советской историографии под различным углом зрения [1], [5], [11], [20]. Исследователи обращали внимание на трудности, с которыми столкнулась власть в борьбе с преступностью детей, описывали развитие детских учреждений для малолетних правонарушителей, определяли изменения государственной политики по отношению к ним.

В историографии постсоветского периода заметно постепенное смещение исследовательского интереса в сторону комплексного анализа политики Советского государства и практической педагогической работы с малолетними правонарушителями [4], [7], [10], [12], [16], [19]. В ис-

следования Н. А. Рябиной [14] рассмотрены вопросы, связанные с ликвидацией детской беспризорности и преступности в 1920-е годы по материалам губерний Верхнего Поволжья. Автор отмечает, что усилия государства позволили значительно снизить уровень детской беспризорности к 1928 году в отличие от преступности, которая сохранилась на высоком уровне. А. А. Славко рассматривает процесс функционирования трудовых домов и трудовых воспитательных колоний для несовершеннолетних правонарушителей в России в 1920–1950-е годы [17], [18]. Автор выделил несколько этапов структурных преобразований этих учреждений.

Некоторые исследователи особое внимание уделили вопросам ювенальной политики и развития законодательства в части уголовной ответственности несовершеннолетних в 1920–1930-е годы [13], [15], [21]. В статьях представлен анализ правовых документов, касающихся борьбы с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних: рассмотрены положительные и отрицательные стороны, а также представлена советская правовая система защиты детей и подростков в целом. Преступность детей углубленно изучается и на уровне отдельных регионов [3], [6], [22].

Целью данной статьи является выявление мер борьбы с преступностью несовершеннолетних в Карелии в 1918–1935 годах. Территориальные границы Карелии менялись в течение всего исследуемого периода. В статье они охватывают территорию Автономной Карельской Советской Социалистической Республики (АКССР).

ПОНЯТИЕ «НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ ПРАВОНАРУШИТЕЛЬ»

На протяжении исследуемого периода в практике работы с малолетними правонарушителями использовались разные определения этой категории детей: «дети с девиантным поведением», «трудновоспитуемые дети», «несовершеннолетние, обвиняемые в общественно опасных действиях». В начале 1920-х годов понятие «несовершеннолетний преступник» заменили на «несовершеннолетний правонарушитель». Смягчение терминологии подчеркивало смещение акцента на воспитательное начало в работе с детьми, привлекало внимание не только к содержанию, но и к личности подростка [2: 64].

Возраст привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности варьировался на протяжении 1918–1935 годов: 1918 год – 17 лет, 1920 – 18 лет, 1922 – 16 лет, 1926 – 14 лет, 1929 – 16 лет, 1935 год – 12 лет⁶. Данные изменения были связаны, с одной стороны, с началом деятельности комиссии по делам несовершеннолетних (1918 год), с другой – с внесением поправок в содержание Уголовного кодекса РСФСР. В уголовном законодательстве исследуемого периода не только понижался или повышался возраст на-

ступления уголовной ответственности несовершеннолетних, но и менялись меры наказаний по отношению к детям-правонарушителям. Также подчеркивалась необходимость использования предупредительного характера уголовных законов в отношении несовершеннолетних [5: 15].

СТАТИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КАРЕЛИИ

Сведения о количестве преступлений, совершенных детьми в Карелии, разобщены; статистика 1920-х годов страдает неполнотой в связи с процессом становления системы учета, изменениями методики подсчетов (что создает трудности в сравнении данных), передачей функций из одних учреждений в другие и т. д. Тем не менее общую тенденцию можно проследить по отчетам комиссий по делам несовершеннолетних и сведениям уголовной статистики. Так, в 1919 году в Карелии были зарегистрированы около «80 детей с девиантным поведением»⁷, к которым относили прежде всего малолетних правонарушителей. Согласно отчетам комиссии, в 1922 году в городе Петрозаводске несовершеннолетними были совершены 102 правонарушения, в 1923 году – 53, в 1924 году – 122⁸. Колебание показателей объясняется комплексом факторов, влиявших на уровень преступности и ее учет. Резкое понижение детской преступности в 1923 году связано с тем, что из ведения комиссии были изъяты дела о несовершеннолетних 16–18 лет. Повышение же числа правонарушений в 1924 году было вызвано разрешением свободной торговли спиртными напитками⁹. За 1920 год Олонецкая губернская комиссия по делам несовершеннолетних рассмотрела 84 дела о 155 правонарушителях¹⁰, за 1924 год – 246 дел о 410 правонарушителях¹¹.

По данным уголовной статистики (табл. 1), количество несовершеннолетних, осужденных за преступления, в исследуемый период в Карелии было невысоким. Это связано с тем, что большинство дел об общественно опасных деяниях детей рассматривалось комиссиями по делам несовершеннолетних, а их данные не учитывались уголовной статистикой. Процентное соотношение числа детей, привлеченных к уголовной ответственности за различные преступления, с общим количеством осужденных в Карелии с 1924 год по 1928 год выглядит следующим образом: 1924 год – 3 %, 1925 – 3,6 %, 1926 – 2,3 %, 1927 – 1,9 %, 1928 год – 1,9 %. В имеющейся статистике детской преступности наибольший интерес представляют виды преступлений (см. табл. 1). Как видно из таблицы, преступления «против порядка управления» (в основном хулиганство) и имущественные преступления (главным образом воровство) являлись самыми характерными для детей. В 1924–1925 годах единичные привлечения несовершеннолетних к уголовной

Таблица 1

Сведения о количестве несовершеннолетних, осужденных за различные преступления, в Карелии с 1924 по 1928 год (человек)*

Table 1. Information about the number of juvenile offenders who were convicted of a felony in Karelia from 1924 till 1928*

Виды преступлений несовершеннолетних	1924	1925	1926	1927	1928
«Государственные преступления»	1	1	–	–	–
«Преступления против порядка управления»	30	13	19	29	39
Из них:					
<i>Сопrotивление и неисполнение законных требований власти и оскорбление представителей власти</i>			1		
<i>Приготовление, сбыт и хранение спиртных напитков</i>			1		
<i>Нарушение правил охраны народного здоровья, публичного порядка и общественной безопасности</i>			3	1	
<i>Хулиганство</i>			14	15	
<i>Уклонение от воинской повинности</i>				1	
<i>Нарушение правил охраны лесов, об охоте, рыбной ловле</i>				1	
<i>Самоуправство</i>				1	
<i>Ложный донос и лжесвидетельство</i>				1	
<i>Другие преступления против порядка управления</i>				5	
«Преступления против личности»	3	15	10	6	16
Из них:					
<i>Убийство</i>			1	1	
<i>Телесные повреждения, насилие над личностью</i>			4	3	
<i>Половые преступления</i>			3	1	
<i>Оскорбление и клевета</i>			1	1	
<i>Другие преступления против личности</i>			1		
«Имущественные преступления»	25	25	24	11	19
Из них:					
<i>Кража и скупка краденого</i>			23	9	
<i>Присвоение, растрата, мошенничество и подлог</i>			1	2	
«Служебные преступления»	–	1	–	–	–
ВСЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЙ	59	55	53	46	74

Примечание. * Таблица составлена на основе данных, представленных в следующих источниках: Ежегодник. Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика. Выпуск III. 1928. Издание Статистического управления, 1929. С. 58–60; Ежегодник. Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика. Выпуск IV. 1929. Издание Статистического управления, 1931. С. 50–51.

ответственности были связаны с совершением «государственных»¹² и «служебных»¹³ преступлений. В статистических данных за 1926–1927 годы приводится расшифровка конкретных видов преступлений детей. Главные позиции занимали «хулиганство», «телесные повреждения и насилие над личностью», «кража и скупка краденого».

В основном данные общественно опасные деяния совершались подростками в возрасте 16–17 лет; единичные преступления, связанные с имуществом или направленные «против порядка управления», – 14–15-летними правонарушителями. Через комиссию по делам несовершеннолетних чаще всего проходили школьники 8–16 лет, а иногда и дошкольники. Документы комиссии позволяют выявить характерные для различных возрастных групп детей преступления. Напри-

мер, за поджоги привлекались дети в возрасте 8–11 лет, но среди задержанных были и поджигатели 4–6 лет. Так, в Карелии в 1921 году комиссия прекратила дело по обвинению 4-летнего ребенка в поджоге «ввиду его несознательности»¹⁴.

СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Малолетний, совершивший общественно опасное деяние, оказывался под контролем комиссии по делам несовершеннолетних, которая выносила решение о мерах по отношению к правонарушителю (либо самостоятельно, либо через Народный суд). Комиссия по делам несовершеннолетних правонарушителей в Карелии действовала при отделе Социально-правовой охраны несовершеннолетних Народного комиссариата

просвещения АКССР (Наркомпроса АКССР). Изначально в ее состав входили представители Наркомпроса (председатель), Народного комиссариата здравоохранения (Наркомздрава) и Народного суда АКССР, совмещавшие свои обязанности с основной работой, из-за чего заседания комиссии проводились крайне редко. В 1922 году рассмотрение дел малолетних правонарушителей в Карелии осуществляли две комиссии: областная Петрозаводская и уездная Олонецкая¹⁵. Постепенно комиссии были организованы во всех уездах Карелии, но затруднениями в их работе являлись нехватка вспомогательных учреждений, куда должны были помещаться дети-правонарушители, а также отсутствие штатных должностей, ввиду чего сельские местности не обслуживались или обслуживались формально¹⁶. По официальным документам комиссия являлась медико-педагогическим учреждением, однако ее внешние формы работы неизбежно носили характер правоохранительных органов. Комиссия рассматривала или принимала к сведению заявления граждан, протоколы милиции, опросные и статистические листы, постановления отдела уголовного розыска и др. Главной особенностью приговоров комиссий в 1920-х годах являлся принципиально новый подход к несовершеннолетним правонарушителям. При самостоятельном определении решения по отношению к правонарушителю комиссия принимала меры «медико-педагогического» характера, какими являлись:

«Беседа, разъяснение, замечание воспитателя; внушение и оставление на свободе под присмотром родителей, родственников и следователей; определение на ту или иную работу; помещение в школу; отправка на родину; помещение в детский дом или в одну из лечебно-воспитательных колоний и учреждений; помещение в специальные изоляционные отделения психиатрических больниц»¹⁷.

Эти способы воздействия не подразумевались как наказания для детей, они ограждали их от совершения новых общественно опасных действий и имели своей целью «достигнуть улучшения умственного, морального и физического состояния несовершеннолетнего посредством обычных приемов, практикуемых медициной и педагогикой»¹⁸. Все вышеуказанные меры «медико-педагогического» воздействия подразделялись на три группы: меры социальной помощи, меры педагогического и медицинского характера.

В общей статистике меры социальной помощи (опека, отправка на родину, определение на работу) давали весьма «скромный процент воздействия». Больше воздействие на детей-правонарушителей оказывали меры педагогического характера (беседы, разъяснения, внушения, помещение в школу, присмотр родителей или следователя-воспитателя, помещение в учреждения социального воспитания – детские дома,

в том числе для трудновоспитуемых, колонии и т. д.). На первом месте по частоте применения стояли беседы и внушения: несовершеннолетнему разъясняли «недопустимость, вредность или безнравственность его поступка»¹⁹. К данным действиям на практике приходилось прибегать из-за отсутствия каких-либо других уместных способов педагогического воздействия.

Меры медицинского характера были связаны с определением несовершеннолетних правонарушителей в лечебные заведения. Помимо клинической помощи внимание обращалось и на амбулаторное лечение детей. Эти способы могли быть обеспечены только при условии функционирования поблизости данных учреждений. По статистическим данным за 1921 год, комиссиями страны были приняты следующие меры «медико-педагогического» воздействия²⁰: беседа, разъяснение, внушение – 25 %, присмотр родителей, родственников, опекунов – 14 %, присмотр следователя-воспитателя – 6 %, помещение в учреждение для «морально-дефективных» – 5 % и др.

В Карелии в отношении несовершеннолетних правонарушителей применялись практически все вышеперечисленные действия «медико-педагогического» характера. Так, в 1925 году в Петрозаводске по приговорам комиссии 32 % всех правонарушителей были отданы под родительский надзор, 27 % получили внушение, замечание, 20 % оставлены под ответственным надзором детских социальных инспекторов, 12 % отправлено в детский дом для трудновоспитуемых, 3 % – на родину («бродяги»), 3 % определено в школу, 1 % – на работу, 2 % переданы в Народный суд²¹. Как видим, структура принятых способов воздействия на детей-правонарушителей в Карелии была схожа с ситуацией по всей стране. Здесь также преобладающими являлись меры педагогического характера: беседы, замечания, внушения и определение детей под надзор родителей. Даже в случаях серьезных правонарушений комиссия могла ограничиться такими действиями. Например, в 1925 году при рассмотрении дела несовершеннолетнего о подкладке полена на рельсы перед проходом скорого поезда комиссия решила ограничиться на первый раз беседой с правонарушителем²²; в деле малолетнего, обвиняемого в двукратном нелегальном переходе государственной границы, было вынесено постановление о передаче его под родительский надзор на один год²³, выразившийся в «особом внимании к воспитательным нуждам ребенка и обеспечении контроля над ним через наблюдение»²⁴. Эффективность данной меры могла быть достигнута при возможности наложения штрафа на родителей в случае правонарушения несовершеннолетнего. Данная санкция была введена только в 1935 году, а именно – установлена материальная ответственность родителей и опекунов за озорство, хулиганство

и действия детей, причинивших материальный ущерб [9: 186].

Помещение в детское учреждение социально-го воспитания являлось самой строгой, крайней мерой «медико-педагогического» воздействия из применявшихся комиссиями по делам несовершеннолетних правонарушителей в Карелии. Например, в 1926 году комиссия по Петрозаводскому уезду в деле о несовершеннолетнем, обвиняемом в краже денег, вынесла постановление о помещении его в детский дом для трудновоспитуемых, приняв во внимание, что правонарушения малолетнего выливались в систематическую форму, а педагогические меры не оказывали никакого воздействия²⁵.

В начале 1920-х годов несовершеннолетние правонарушители Карелии определялись в несколько детских учреждений: временно – в приемно-распределительный пункт²⁶ (город Петрозаводск), на продолжительный срок – в Космозерский детский дом для трудновоспитуемых, а также в любой детский дом нормального типа. Единичные случаи разрешения дел комиссией были связаны с отправкой малолетних правонарушителей Карелии в исправительные дома г. Ленинграда, иногда отмечаемые в отчетах комиссии как «дома для дефективных детей»²⁷.

Приемно-распределительный пункт включал в себя два учреждения: приемник для обслуживания города Петрозаводска и распределительно-наблюдательный пункт для всей Карелии. Пункт представлял из себя место скорой социальной помощи и детскую милицию в одном лице, где дети находились временно до выяснения всех обстоятельств дела. В 1923 году учреждение имело возможность поместить до 35 мальчиков и 10 девочек²⁸ и было постоянно переполнено. Для того чтобы через него проходило большее количество беспризорных, нищенствующих детей и малолетних правонарушителей, необходимо было по мере возможности разгружать его. Для этого требовалось открытие новых детских домов для трудновоспитуемых и нормальных детей²⁹. В Космозерский детский дом, открытый в 1923 году и рассчитанный на 40 человек, направлялись правонарушители и дети, «трудные в воспитательном отношении»³⁰, мужского пола от 8 до 18 лет. В учреждении велась воспитательная работа в форме бесед, разъяснений, также прививались трудовые навыки, чтобы обеспечить возможность дальнейшего трудоустройства. В 1927–1928 годах планировалось открыть детский дом для трудновоспитуемых девочек на 40 человек³¹, но это не было реализовано.

Как было отмечено выше, дети-правонарушители отправлялись и в детские дома нормального типа, которых в Карелии к 1925 году насчитывалось 16. Например, в 1925 году в Пудожском детском доме содержалось 6 трудновоспитуемых³², в Кемском детском доме – 3³³.

В 1931 году КарЦИК издал постановление о срочном изъятии из состава существующих детских домов и школ трудновоспитуемых детей и перемещении их в специализированные учреждения³⁴. Нахождение детей-правонарушителей вместе с обычными воспитанниками детских домов отрицательно сказывалось на последних. Как отмечала заведующая Вытегорским детским домом, «эти дети своим поведением оказывали разлагающее влияние на остальных детей»³⁵. В 1931 году Повенецкий детский дом был переименован в трудовую коммуну, а в 1934 году Палеостровский детский дом реорганизован в трудовую колонию. Изменения означали также смену состава воспитанников этих учреждений: теперь в них находились в основном несовершеннолетние правонарушители. Именно эта реорганизация позволила увеличить количество учреждений для детей-правонарушителей (см. табл. 2). К 1935 году в Карелии существовали три детских дома для трудновоспитуемых со 161 воспитанником.

Таблица 2

Количество детских домов для трудновоспитуемых в Карелии в 1917–1935 годах*

Table 2. The number of orphanages for indocile children in Karelia during 1917–1935*

Годы	Детские дома для трудновоспитуемых	Работников	Детей	В т. ч. «националов»**
1916–1917	1	3	17	
1923–1924	1	2	23	
1924–1925	1	5	20	
1925–1926	1	6	37	
1926–1927	1	5	39	
1927–1928	1	4	40	
1928–1929	1	4	39	
1929–1930	1	3	44	
1930–1931	2	11	86	31
1931–1932	2	6	88	32
1932–1933	3	21	119	
1933–1934	3	11	118	65
1935	3	14	161	24

Примечание. * Таблица составлена на основе данных, представленных в следующих источниках: Ежегодник. Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика. 1932–1933. Петрозаводск: Союзоргучет, 1934. С. 150; Ежегодник. Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика. 1933–1934. Петрозаводск: Издание Управления Народно-хозяйственного учета Карельской АССР: Союзоргучет, 1936. С. 215. ** Имеются в виду дети нерусских национальностей.

Официально рекомендованные методы воспитания детей разных категорий не отличались в детских домах нормального типа и для трудновоспитуемых. Сотрудники учреждений с трудом справлялись с возложенными на них задачами. Особенно сложно было молодежи, не имевшей опыта работы. В этом отношении показательно письмо выпускников Петрозаводского педагогического техникума, адресованное своим пре-

подавателям. В 1934 году они были определены воспитателями и учителями в Палеостровскую колонию, где, по их высказыванию, столкнулись с «копищем хулиганов»³⁶. Письмо демонстрирует полную беспомощность начинающих воспитателей, следующим образом описывающих «педагогический процесс» в детской колонии:

«Придем в класс и после звонка ожидаем учеников в классе часок-другой, иных за рукав на урок притащим и так ведем уроки с одним или двумя учениками, тогда как в классе по 15–16 человек. А то бывает и хуже. Вот начнем урок с несколькими учениками, а они на уроке начнут картошку печь, тут же едят, пьют, ругаются в три шеи и нас обругивают, а потому мы на уроке так разнервничаемся, что по одному из класса начинаем выводить, да еще как: схватить в свои клещи ученика и лбом двери откроешь и носом о каменную стену стукнешь. В это время они нас не слишком ругают и не трогают. А ведь еще хуже бывает, когда нас всех начинают бить, и бьют кирпичами, палками, железинами и не смотрят, куда попадут – в спину или в голову»³⁷.

Учителя отмечали, что представители Наркомпроса АКССР никаких мер помощи и поддержки им не оказывали, а только указывали на то, что они не умеют воспитывать детей. Воспитатели старались воздействовать на детей рассказами о Гражданской войне, просмотром фильмов: «Это они любят, но если в рассказе обмолвиться неосторожно об их положении, воровстве и хулиганстве, то кирпича не оберешься»³⁸. Нарушение дисциплины, воровство, табакокурение, «тунеядство и все антиобщественные инстинкты»³⁹ выявлялись в детских учреждениях вслед за появлением там малолетних правонарушителей.

Следующий уровень решения вопроса о мерах по отношению к несовершеннолетним правонарушителям был связан с передачей дел в другую инстанцию – Народный суд. К такому способу комиссия обращалась либо в связи с наступлением возраста уголовной ответственности несовершеннолетнего за совершенное преступление, либо в случае признания недостаточными мер «медико-педагогического» воздействия. В 1921 году передача дел в Народный суд занимала около 7 % от общего количества мер в масштабе страны⁴⁰. Данная практика была распространена и в Карелии, но чаще всего дела в Народный суд поступали не от комиссии, а от милиции. По принятому в 1924 году Исправительно-трудовому кодексу РСФСР для несовершеннолетних правонарушителей создавались трудовые дома. Дети помещались сюда с целью обучения квалифицированным видам труда, получения общего и профессионального образования, «создания из них самостоятельных и сознающих свои права и обязанности граждан» [8: 50]. В трудовые дома принимались 14–16-летние подростки, приговоренные судом к лишению свободы или состоящие под следствием. Несовершеннолетние от 16 до 18 лет направлялись в эти учреждения только по решению распределительной комиссии.

С принятием в 1933 году нового Исправительно-трудового кодекса РСФСР [8: 78] началось формирование системы исправительно-трудовых колоний для несовершеннолетних. Для малолетних правонарушителей создавались школы фабрично-заводского ученичества особого типа, задачами которых являлись подготовка «из несовершеннолетних правонарушителей квалифицированных рабочих для промышленности и сельского хозяйства» [8: 78] и передача им знаний, необходимых для активного участия в социалистическом строительстве. В школы направлялись лица от 15 до 18 лет на основании приговоров судов, постановлений комиссий по делам несовершеннолетних и других уполномоченных учреждений. Вне зависимости от срока приговора время обучения не превышало трех лет.

На протяжении 1920-х годов специальных мест заключения для несовершеннолетних правонарушителей в Карелии не было, поэтому они отбывали наказание совместно со взрослыми. Такими учреждениями являлись Исправительный дом в городе Петрозаводске (Исправдом), лагерь и сельскохозяйственная колония при Исправительном доме в Бесовце⁴¹. Так, в 1922 году за убийство во время грабежа был осужден несовершеннолетний, но по причине недееспособности обвиняемого расстрел был заменен «5-летним заключением в строгой изоляции» в Исправдоме⁴². В июне 1935 года в Народном суде города Петрозаводска было рассмотрено дело трех подростков, обвинявшихся в карманной краже (300 рублей). Суд приговорил каждого к лишению свободы сроком на один год⁴³. Дело о малолетних ворах-рецидивистах, которые неоднократно убегали из трудовой колонии, оказывали пагубное влияние на учеников школы, дезорганизовывая в ней работу, также рассматривалось в Народном суде города Петрозаводска⁴⁴, который приговорил несовершеннолетних к двум и трем годам заключения в Исправдоме.

Как уже отмечалось, в первой половине 1930-х годов в Карелии появились Повенецкая трудовая коммуна и Палеостровская трудовая колония. Эти детские учреждения были реорганизованы, в том числе в соответствии с Исправительно-трудовым кодексом РСФСР 1933 года. Комиссии по делам несовершеннолетних были упразднены Постановлением СНК СССР и ЦИК ВКП(б) от 31 мая 1935 года «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». Обязанность по организации противодействия детской преступности была возложена на правоохранительные органы [8: 186]. 13 августа 1935 года СНК АКССР принял решение «о передаче из ведения Наркомпроса АКССР Повенецкой детской трудовой коммуны и Палеостровской трудовой колонии в ведение отделом НКВД со всем личным составом, имуществом, инвентарем и средствами»⁴⁵. Это было

связано и с типизацией детских учреждений, начатой еще в 1932 году. Наркомату внутренних дел передавались приемники-распределители, изоляторы и трудовые колонии, в которые направлялись несовершеннолетние рецидивисты, уличенные в совершении нескольких преступлений. Иногда трудные подростки, с которыми не могли справиться педагоги детских домов с нормальными детьми, передавались в трудовую колонию как рецидивисты. 23 июля 1935 года также вводилась типизация трудовых колоний НКВД: трудовые колонии обычного типа для мальчиков и девочек в отдельности; трудовые колонии с особым режимом; изоляторы для подсудимых в тюрьмах, которые находились в отделах мест заключения НКВД СССР [17: 141]. В трудовых колониях содержались несовершеннолетние преступники 12–16 лет и беспризорники 14–16 лет [9: 333].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в Карелии, как и по всей стране, в исследуемый период решение проблемы преступности детей было возложено на комиссии по делам несовершеннолетних. Именно они определяли возможные действия по отношению к малолетним правонарушителям либо через использование мер «медико-педагогического» характера, либо через передачу дел в Народный суд. Первый способ имел воспитательное начало. По отношению к несовершеннолетним правонарушителям применялись практически все меры, определяемые комиссией, кроме способов воздействия медицинского характера из-за от-

сутствия специализированных учреждений для этих целей. Помещение детей-правонарушителей в детские дома для трудновоспитуемых было осложнено нехваткой таких учреждений, поэтому нередко дети оказывались в детских домах нормального типа, в которых не была выстроена воспитательная работа и не реализовывались требования и рекомендации, предъявляемые к данным учреждениям. Лишь в первой половине 1930-х годов стали функционировать Повенецкая трудовая коммуна и Палеостровская колония в связи с реорганизацией этих учреждений и передачей их под контроль НКВД АКССР. Второй способ решения проблемы преступности несовершеннолетних был связан с передачей комиссией дел в Народный суд. В Карелии к данной мере прибегали либо после использования всех способов «медико-педагогического» воздействия и признания их недостаточными, либо в связи с наступлением возраста привлечения малолетнего к уголовной ответственности.

В первой половине 1930-х годов в практике работы с несовершеннолетними правонарушителями нарастала репрессивная составляющая, а именно: ликвидация комиссий по делам несовершеннолетних, передача дел малолетних правонарушителей и детских учреждений для них правоохранительным органам, понижение возраста привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности, принижение значения педагогической и воспитательной работы. Это шло вразрез с декларируемой государством заботой о создании благоприятных условий для воспитания и социализации советских детей.

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (АААА-А18-118030190093-9).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Куфаев В. И. Юные правонарушители. М.: Новая Москва, 1925. 356 с.
- ² Василевский Л. М. Беспризорность и дети улицы. Харьков: Юношеский сектор изд-ва «Пролетарий», 1925. 100 с.
- ³ Лившиц Е. С. Социальные корни беспризорности. М.: Работник просвещения, 1925. 206 с.
- ⁴ Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: социально-правовые очерки. М.: Юридическое изд-во Наркомюста, 1923. 300 с.
- ⁵ Маро М. И. Беспризорные: Социология. Быт. Практика работы. М.: Новая Москва, 1925. 454 с.
- ⁶ Данные составлены на основе нормативных документов исследуемого периода.
- ⁷ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. Р. 2 (Олонецкий губоно). Оп. 1. Д. 907. Л. 9.
- ⁸ НАРК. Ф. Р. 630 (Министерство образования РК). Оп. 1. Д. 98. Л. 170.
- ⁹ Там же. Л. 62.
- ¹⁰ НАРК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 906. Л. 49.
- ¹¹ НАРК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 51. Л. 6.
- ¹² По Уголовному кодексу РСФСР к «государственным преступлениям» относились «контрреволюционные преступления» (ст. 58.1–58.18), а именно – «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти».
- ¹³ По Уголовному кодексу РСФСР «служебным преступлением» (ст. 109–121) являлось «злоупотребление властью или служебным положением, т. е. такие действия должностного лица, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не вызываясь соображениями служебной необходимости, имели своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия, или причинили ему имущественный ущерб» и др.
- ¹⁴ НАРК. Ф. Р. 836 (Комиссия о несовершеннолетних правонарушителях при Олонецком Отделе народного образования). Оп. 1. Д. 36. Л. 6 об.
- ¹⁵ Карельская Трудовая Коммуна. Ежегодник. Вып. I. Отчет областных учреждений Карельской Трудовой Коммуны СНК и СТО на 1 октября 1922 года. / Сост. Карельским Областным Статистическим Бюро. Петрозаводск: Изд. Кар. Экосо и Кар. Стат. Бюро, 1923. С. 119.
- ¹⁶ НАРК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 279. Л. 11.
- ¹⁷ НАРК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 937. Л. 15.

- ¹⁸ Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: социально-правовые очерки. М.: Юридическое изд-во Наркомюста, 1923. С. 255.
- ¹⁹ Там же. С. 257.
- ²⁰ Там же. С. 50.
- ²¹ НАРК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 98. Л. 1.
- ²² НАРК. Ф. Р. 788 (Комиссия о несовершеннолетних правонарушителях при Повенецком УОНО). Оп. 1. Д. 53. Л. 37.
- ²³ НАРК. Ф. Р. 282 (Комиссия о несовершеннолетних правонарушителях). Оп. 3. Л. 110. Л. 3.
- ²⁴ Люблинский П. И. Указ. соч. С. 257.
- ²⁵ НАРК. Ф. Р. 282. Оп. 3. Д. 140. Л. 1.
- ²⁶ В детские приемные пункты направлялись несовершеннолетние, задержанные за совершение проступков (общественно-опасного деяния), занимающиеся нищенством, проституцией, спекуляцией, задержанные по случайным причинам (заблудившиеся, потерявшие своих родителей, не имеющие пристанища и др.). Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. 788. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
- ²⁷ К категории «дефективных детей» относились дети с недостатками физического и психического развития («физическая, психическая и моральная дефективность»). «Морально-дефективными» детьми обозначали группу детей, «страдающих нарушениями характера и эмоционально-волевой сферы, склонных к агрессивному и противоправному поведению, педагогически запущенных, беспризорных».
- ²⁸ Приемник для беспризорных перегружен // Красная Карелия. 12.05.1923. № 90. С. 3.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ НАРК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 10. Л. 67.
- ³¹ Там же. Д. 279. Л. 11.
- ³² Там же. Д. 197. Л. 133.
- ³³ Там же. Л. 2.
- ³⁴ Там же. Д. 492. Л. 76.
- ³⁵ НАРК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 469. Л. 31.
- ³⁶ НАРК. Ф. Р. 393. Оп. 2. Д. 5. Л. 34.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ НАРК. Ф. Р. 393. Оп. 2. Д. 5. Л. 35.
- ³⁹ НАРК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 469. Л. 33.
- ⁴⁰ Люблинский П. И. Указ. соч. С. 50.
- ⁴¹ Ежегодник. Карельская Трудовая Коммуна... С. 129.
- ⁴² Дело о зверском убийстве Годарина // Трудовая жизнь. 21.05.1922. № 72 (118). С. 4.
- ⁴³ Малолетние преступники и их покровители // Красная Карелия. 15.06.1935. № 136. С. 2.
- ⁴⁴ Суд над малолетними преступниками // Комсомолец Карелии. 12.06.1935. № 80 (624). С. 2.
- ⁴⁵ НАРК. Ф. Р. 689. Оп. 11. Д. 15. Л. 190.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астемиров З. А. Трудовая колония для несовершеннолетних. М.: Юрид. лит., 1969. 120 с.
- Ашин А. А. Воспитательная колония: история и современность. Владимир: Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2008. 428 с.
- Блинов М. Л. Из истории социальных отношений в Ижевске в 1920-е гг.: борьба с хулиганством, пьянством и детской преступностью // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 3. С. 31–42.
- Блясова И. Ю. Состояние профилактики преступности и правонарушений несовершеннолетних в советский период // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 1 (255). Право. Вып. 31. С. 54–59.
- Болдырев Е. В. Меры предупреждения правонарушений несовершеннолетних. М.: Наука, 1964. 368 с.
- Гизатулин Ш. Т. Проблемы беспризорности несовершеннолетних в 1917–1922 гг. (по материалам Самарской губернии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4. С. 1093–1096.
- Головизина М. В. Генезис социального контроля противоправного поведения несовершеннолетних в пенитенциарном учреждении в России // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга: Центра социальной политики и гендерных исследований, 2005. С. 313–341.
- ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960 / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Материк: Междунар. фонд «Демократия», 2002. 885 с.
- Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / Сост. С. С. Виленский. М.: МФД, 2002. 628 с.
- Маслова О. Б. Система правового воздействия на несовершеннолетних правонарушителей в советской России в начале 1920-х гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 11. С. 96–101.
- Миньковский Г. М. Основные этапы развития советской системы мер борьбы с деятельностью несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 6. М.: Юрид. лит., 1967. С. 37–74.
- Нестеров А. Ю. Советская концепция прав человека в отношении несовершеннолетних осужденных (и не осужденных), отбывающих наказание в системе ГУЛАГа (1918–1956 гг.) // Власть. 2015. № 6. С. 155–159.
- Рыбак С. В. Государственно-правовая деятельность по преодолению беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних в советской России в 20–30-е годы XX века // Юрист-Правовед. 2016. № 5 (78). С. 10–15.
- Рябинина Н. В. Детская беспризорность и преступность в 1920-е годы: (По материалам губерний Верхнего Поволжья). Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1999. 53 с.
- Семина Н. В. Правовые основы борьбы с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в 1930-е гг. в России // Известия ПГПУ им. В. Г. Беллинского. 2012. № 27. С. 969–973.
- Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М.: ИНИОН РАН, 2005. 171 с.
- Славко А. А. Детские колонии для несовершеннолетних правонарушителей в России в 1933–1952 годы // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С. 140–146.
- Славко А. А. Трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей в России 1924–1933 годов // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. № 16 (154). Вып. 32. С. 62–65.
- Смирнова Т. М. Детские дома и трудколони: жизнь «государственных детей» в советской России в 1920–1930-е гг. // Вестник РУДН. Сер. История России. 2012. № 3. С. 16–38.

20. Чернышов А. И. Преступность несовершеннолетних и меры борьбы с ней в СССР. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975. 141 с.
21. Чечель Г. И., Долгополов К. А. История развития российского законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 49. С. 199–202.
22. Шабельникова Н. А. Особенности профилактики преступности несовершеннолетних в 1920-е гг.: исторический опыт // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 33–37.

Поступила в редакцию 29.05.2019

Aleksandra V. Chebakovskaya, Junior Researcher, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)
chebakovskaja@yandex.ru

WORKING WITH JUVENILE OFFENDERS IN KARELIA DURING THE POST-REVOLUTIONARY PERIOD*

The problem of juvenile delinquency in Karelia between 1918 and 1935 and the government measures against it are fully addressed and analyzed for the first time on the basis of various sources. The relevance of the topic is in the study of and critical reflection on the experience gained in the previous periods. It is of interest in connection with the improvement of the modern methods of work with child offenders while the crime rates among youngsters remain high. The research centers on the activities of commissions for cases of minors, demonstrates the changes in the age of criminal responsibility for juvenile offenders, lists the types of crimes committed by them, and describes the network of institutions for these children in Karelia. Measures taken by commissions for cases of minors towards juvenile offenders are identified. These measures could succeed only with the right approach towards child offenders and the sufficient number of special facilities. The research revealed that in Karelia all possible legal measures were applied to juvenile offenders, except for the medical ones due to the lack of specialized institutions. The study shows a gradual build-up of the repressive element when working with juvenile offenders, which was against the government's commitment to create favorable environment for the upbringing and socialization of Soviet children.

Keywords: child welfare, juvenile delinquency, the Commission on Minor's Affairs, medical and educational measures, Karelia

* The research was funded from the federal budget as part of the state project of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (AAAA-A18-118030190093-9).

Cite this article as: Chebakovskaya A. V. Working with juvenile offenders in Karelia during the post-revolutionary period. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). P. 93–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.418

REFERENCES

1. Astemirov Z. A. Juvenile labor colony. Moscow, 1969. 120 p. (In Russ.)
2. Ashin A. A. Juvenile correctional facility: history and present times. Vladimir, 2008. 428 p. (In Russ.)
3. Blinov M. L. History of social relations in Izhevsk in the 1920s: fighting against hooliganism, alcoholism and juvenile delinquency. *LOCUS: people, society, cultures, meanings*. 2016. No 3. P. 31–42. (In Russ.)
4. Blyasova I. Yu. Crime and juvenile delinquency prevention in the Soviet era. *Chelyabinsk State University Bulletin. Series: Law*. 2012. No 1 (255). Issue 31. P. 54–59. (In Russ.)
5. Boldyrev E. V. Juvenile delinquency prevention strategies. Moscow, 1964. 368 p. (In Russ.)
6. Gizatulin Sh. T. The problem of street children in 1917–1922 (using materials from Samara province). *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2008. Vol. 10. No 4. P. 1093–1096. (In Russ.)
7. Goloviznina M. V. The genealogy of social control of unlawful behavior among minors in Russian penal institutions. *Destitution and order: history of social work in the XX century Russia: Collection of articles*. (P. V. Romanov, E. R. Yarskaya-Smirnova, Eds.). Saratov, 2005. P. 313–341. (In Russ.)
8. GULAG (Main Administration of Corrective Labor Camps). 1918–1960. (A. I. Kokurin, N. V. Petrov, Comp.). Moscow, 2002. 885 p. (In Russ.)
9. Children of the Gulag. 1918–1956. Moscow, 2002. 628 p. (In Russ.)
10. Maslova O. B. The system of legal influence on juvenile offenders in Soviet Russia in the early 1920s. *Nauchniye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. 2009. No 11. P. 96–101. (In Russ.)
11. Min'kovskij G. M. Key stages in the development of the Soviet system of fighting against juvenile offenders. *Issues of Crime Prevention*. Issue 6. Moscow, 1967. P. 37–74. (In Russ.)
12. Nesterov A. Yu. The Soviet concept of human rights with regard to convicted (and unconvicted) juveniles serving a sentence in the Gulag (1918–1956). *Vlast'*. 2015. No 6. P. 155–159. (In Russ.)
13. Rybak S. V. State efforts to deal with child homelessness and juvenile delinquency in Soviet Russia during the 1920s and the 1930s. *Yurist-Pravoved*. 2016. No 5 (78). P. 10–15. (In Russ.)
14. Ryabinina N. V. Street children and juvenile offenders in the 1920s (using the materials from the Upper Volga Region provinces). Yaroslavl, 1999. 53 p. (In Russ.)
15. Semina N. V. The legal framework to fight child homelessness and juvenile delinquency in Russia in the 1930s. *Izvestia PGPU im. V. G. Belinskogo*. 2012. No 27. P. 969–973. (In Russ.)
16. Slavko A. A. Street children in Russia in the first decade of the Soviet Union. Moscow, 2005. 171 p. (In Russ.)
17. Slavko A. A. Children's colonies for juvenile offenders in Russia in 1933–1952. *Tyumen State University Herald*. 2009. No 7. P. 140–146. (In Russ.)
18. Slavko A. A. Labor facilities for juvenile offenders in Russia between 1924 and 1933. *Chelyabinsk State University Bulletin. History*. 2009. No 16 (154). Issue 32. P. 62–65. (In Russ.)
19. Smirnova T. M. Orphanages and labor colonies: the life of “state children” in Soviet Russia in the 1920s and the 1930s. *RUDN Journal of Russian History*. 2012. No 3. P. 16–38. (In Russ.)
20. Chernyшов А. И. Juvenile delinquency and measures against it in the USSR. Tomsk, 1975. 141 p. (In Russ.)
21. Чечель Г. И., Долгополов К. А. Historical development of Russian laws on the criminal liability of minors. *Bulletin of Stavropol State University*. 2007. No 49. P. 199–202. (In Russ.)
22. Shabel'nikova N. A. Characteristics of juvenile delinquency prevention in the 1920s: Historical experience. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami*. 2016. No 2. P. 33–37. (In Russ.)

Received: 29 May, 2019